

Имя народного артиста России Валерия Золотухина в первую очередь связывают с Театром на Таганке и его многолетним лидером Юрием Любимовым, а также Владимиром Высоцким, которому он посвятил свою книгу «Все в жертву памяти твоей»... Зрители помнят Золотухина по спектаклям «Живой», «Доктор Живаго», «Дом на набережной», «Борис Годунов», фильмам «Бумбараш», «Хозяин тайги» и другим. В наше время мало найдется артистов, продолжающих работать только в своем коллективе и не использующих свое имя в коммерческих антрепризах, хотя материальная сторона жизни для Золотухина весьма существенна. Но он предпочитает ее решать спокойно, не наступая на горло собственному творчеству, в том числе писательскому труду, и создает новую повесть «Божий дар или яичница». Все это требует определенного мужества, потому что сегодня как в литературе, так и в театре работать можно много и при этом жить бедно.

— Когда шла на встречу с вами, обратила внимание, что многострадальный спектакль «Живой» Бориса Можая по-прежнему стоит в репертуаре. Подумать только, 30 лет прошло с тех пор, как его запрещали, не давали играть... Помню, как зрители в конце 80-х годов ломались на эту постановку. А теперь? Кому сегодня нужен можаевский мужик с его вечной борьбой за правду, когда никто не может разобраться, где правда, а где ложь?

— Я вовсе не обольщаюсь по поводу того, что мой герой кому-то нужен сегодня, тем более что кого-то по-настоящему волнует судьба простого деревенского мужика... Если раньше ему сочувствовали, то теперь нос воротят, не вписывается он в наши демократические преобразования. Это равнодушие «демократически настроенной общественности» к моему герою не только раздражает меня, но и ранит. Новая публика не желает отягощать себя проблемами, тем более думать. Ей подвай что-нибудь веселенькое, занимательное. Она ждет от искусства только развлечений, острых ощущений, но никак не отражения сложной, полной противоречий жизни. Но я-то как исполнитель, выходя на сцену «в шкуру» своего героя, переживаю и страдаю, и мне безразлично, как меня, то есть моего персонажа, воспринимает зал, потому что в этом спектакле огромный кусок моей жизни. И я считаю, что публику надо воспитывать, вести за собой, как бы она ни сопротивлялась.

— Но ведь и зрителей можно понять. Они устали от сплошных социальных проблем и резких перемен. Жили, жили в одном обществе и вдруг... оказались в другом. Не так-то просто перейти этот Рубикон...

— Все зависит от человека, его индивидуальности, психики и восприимчивости. Я, например, не могу точно определить, где и когда перешел этот Рубикон. Может быть, это произошло после смерти Анатолия Эфроса и назначения художественным руководителем Таганки Николая Губенко или когда вернулся из эмиграции Юрий Любимов, или внутренний мой переворот начался с того, что я решил в 1989 году открыть свою пельменную и хотел, как Жан Габен (который одновременно снимался в кино и выращивал коров), тоже заняться бизнесом. Слава Богу, я быстро понял, что при нашем «капитализме» это похоже на бред. Юрий Петрович помог мне во всем разобраться, «вправил мозги» и вернул «на круги своя» (хотя физически я со сцены не уходил).

Ведь порой ты и сам не знаешь, как повернется твоя судьба. Вроде бы живешь по-сложившемуся графику: играешь, пишешь, но вдруг в твою жизнь входит любовь и всё меняет — начинаешь думать о том, о чем, казалось бы, забыл навсегда... Естественно, от этого твои герои на сцене тоже начинают вести себя несколько иначе, а новая повесть поворачивает в совершенно непредвиденное русло...

Поэтому никогда не надо оглядываться назад, а надо следовать библейской заповеди: «Не говори, отчего прежние времена были лучше, не от мудрости говоришь это». Как бы ни было трудно — надо жить сегодняшними обстоятельствами, в хорошем смысле приспособляться к ним. Ибо другого времени у тебя не будет никогда. Сегодня каждый артист должен быть очень мудрым по отношению к своей природе, собственному внутреннему «я», из которого прорастает или не прорастет художественное зерно будущего образа.

«Я ХОТЕЛ ЖИТЬ, КАК ЖАН ГАБЕН»

Если слишком переусердствуешь, нещадно эксплуатируя свое «нуро», то источник творчества иссякнет. И тогда все начнет повторяться. Золотухин повторяется, он заштамповался. В то же время жизнь постоянно подхлестывает тебя: умеешь делать деньги, иначе окажешься в униженном положении по отношению к себе и своим близким.

Скажем, раньше я мог на месяц слетать к матери на Алтай, запереться там в избе, отгородиться от всех и писать, ни о чем не думая. Теперь не могу. Если ты каждый день не будешь пополнять семейную казну, то окажешься банкротом. Получается, время, которое раньше было отведено для «занятий» души, теперь тратится на добывание хлеба насущного...

— Но чем больше вы будете трудиться, неустанно зарабатывая деньги, тем меньше у вас будет времени для вынашивания заветного творческого замысла? А ведь это гибель для артиста! Невольно начинаешь понимать

тех художников, которые в обмен на пожизненный пансион продавали свой талант.

— Я избегаю этих разговоров, потому что они сегодня никому не нужны. Конечно, Натали Пушкина была права, когда говорила об Александре Сергеевиче: «Для того чтобы писать — голова его должна быть свободной». С другой стороны, тот, кому нужно время для реализации творческих замыслов, найдет его и не станет заниматься поденщиной.

Близкий пример — Александр Солженицын. Он жил на одну учительскую зарплату в 100 рублей, а работал на вечность. Но это же гений!

— Если бы вы были только писателем, может, и смогли бы поступать точно так же, но вы еще и артист. А артист только тогда чувствует себя нормально, когда его не дают материальные заботы и он окружен всеобщим поклонением, пониманием. Вспомним, например, артистов императорских театров, которых обеспечивали по максимуму...

— В ваших словах есть резон. Если артист изо дня в день думает только о том, как и на что ему прожить, он превращается в загнанную лошадь.

Когда раньше мы слышали о том, что на Западе артисты работают официантами, шоферами, то посмеивались, считали это униженным, не предполагая, что сами окажемся в таком положении. Только сейчас мы начинаем понимать: за удовольствие заниматься любимым

творчеством надо платить. От этого возникают всякие стрессы, большое внутреннее напряжение. Ну а если беда приходит еще и со стороны самых близких тебе людей — совсем теряешь голову.

Несколько лет назад старший сын сказал: «Папа, благослови меня. Я иду в семинарию». Так он стал священником, и я был этому обстоятельству очень рад. Потом он получил приход в селе Московское, мы стали собирать средства на строительство новой церкви. Но сынок оказался «строптивым» священником. Он начал читать своим прихожанам проповеди о монархии, о том, что во главе православной церкви должен стоять царь, а если его нет, то никакая церковная служ-

Гамлета в Варшаве — все равно что идти на самоубийство». Ведь в Польше Высоцкого знали не меньше, чем в России... А потому: каждый сверчок знает свой шесток. Беды с актерами случаются оттого, что мы не знаем свои «шестки». И часто стараемся занять чужие.

Это в Рязани я звезда — там свои ребята... Еще лучше было бы сыграть Гамлета на Алтае, тогда вообще не надо было бы текст учить... Шучу. А вы говорите — уехать из России! Да я через месяц там сдохну от тоски. Не говоря уже о том, что там другой менталитет, обычаи, привычки, в конце концов — язык, на котором можно научиться говорить, но думать — никогда.

— Скажите, а знаменитым быть

тяжело? Лично вам?

— Во-первых, я себя знаменитым не ощущаю...

— Ну как же... Ведь цветы вам у метро дарят. И кусок мяса, как Орленеву (на которого вы, кстати, внешне по фотографии похожи), на базаре бесплатно дадут... К тому же свою известность вы заработали не на рекламе кофе, а упорным актерским трудом.

— Если и есть какая-то известность, то я ею не пользуюсь. Гаишники останавливают меня и стыдят, что езжу на «Москвиче». Вначале я удивился: что в этом плохого? У меня же корона не упадет с головы, если я, скажем, поеду на самокате... Так даже интересней. И потом, когда тебе 55 лет, трудно изменить себя. Это в молодости все легко и просто, а в зрелом возрасте десять раз подумаешь, прежде чем отрешешься.

— Ну что вы всё про возраст! Глаза-то вон у вас какие молодые! Да и впереди меня через три ступеньки по лестнице бежали... Другое дело, что душевные «шрамы», наверное, дают о себе знать...

— Конечно, душа болит, она болит всегда. К тому же наша актерская профессия такова, что если не будешь беречь эти свои душевные «шрамы» — ничего путного не сыграешь. Только тут надо быть очень осторожным, а то можно так растравить душу, что потом хоть в петлю лезь... Об этих черных безднах человеческой души очень хорошо знал и писал Федор Михайлович Достоевский.

Темная энергия всегда была заманчива для художника, и ему хотелось переступить через край дозволенного: не об этом ли писал Александр Сергеевич Пушкин:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслаждения —
Бессмертья, может быть, залог!
Ну зачем человеку бессмертье?
Все думаю, думаю и никак ответа
Найти не могу.

Беседу вела
Любовь ЛЕБЕДИНА.